

FESTIVE TEXTS OF MODERN CULTURE

Myshyakova N.,*doctor of Arts, professor of Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg***Kipnes L.***Cand. of Sciences (Pedagogy), associate professor of Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg*

ПРАЗДНИЧНЫЕ ТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Мышьякова Н.М.*доктор искусствоведения, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета, г. Санкт-Петербург***Кипнес Л.В.***кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного гидрометеорологического университета, г. Санкт-Петербург*DOI: [10.24412/3453-9875-2021-77-2-40-43](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-77-2-40-43)**Abstract**

In modern humanitarian knowledge, the concept of a festive text continues to remain relevant. The scope of holiday practices is expanding, and the traditional understanding of the holiday is undergoing significant changes. The most important ones in the festive text of culture include the following: festive selection - cancellation of Soviet and appointment of Russian holidays; holiday gaps - transfer, extension, stretching of the holiday calendar; holidays by agreement, postponed to free days and adjusted to the official holiday calendar; festive inversion - the holiday does not begin, but sums up the everyday reality, constructed in a certain way; transformation of a traditional holiday text into a decorative ornament. The festive text loses its nature and becomes the basis of modern discourse.

Аннотация

В современном гуманитарном знании понятие праздничного текста продолжает оставаться актуальным. Сфера праздничных практик расширяется, и традиционное понимание праздника претерпевает значительные изменения. К наиболее значимым изменениям праздничного текста культуры относятся следующие: праздничная селекция – отмена советских и назначение российских праздников; праздничные зияния – перенос, продление, растягивание праздничного календаря; праздники по договоренности, перенесенные на свободные дни и подстроенные под официальный праздничный календарь; праздничная инверсия – праздник не начинается, а итожит определенным образом сконструированную повседневность; превращение традиционного праздничного текста в декоративный орнамент. В этой связи можно констатировать, что праздничный текст теряет свою природу и становится основой современного дискурса.

Keywords: holiday, weekdays, festive text, entertainment, festive discourse, meanings of the holiday, everyday life.

Ключевые слова: праздник, будни, праздничный текст, развлечения, праздничный дискурс, смыслы праздника, повседневность.

Современная культура предоставляет нам множество свидетельств деформации традиционной праздничной культуры и, как следствие, множество исследований, которые пытаются в этом разобраться. Одна из классических работ, анализирующих феномен праздничного текста культуры, принадлежит знаменитому социологу, антропологу и эссеисту Роже Кайуа. Это доклад, прочитанный в мае 1939 года. Р. Кайуа констатирует «обесценивание» праздников, которые почти незаметны в повседневности и «увязли в рутине» [1]. На смену праздникам, полагает философ, приходят «каникулы», которые «замедляют» социальную активность, «образуют некую пустоту» и не могут исчерпать все потребности человека [2]. В каникулах, как следствие, не заключены жизнеутверждающие перспективы, и вся их праздничность сводится к отвлечению от невзгод. Оппозиция, внутри которой Р.

Кайуа рассматривает праздник, это оппозиция за-полненности и пустоты. Один из сущностных признаков праздника – его «чрезмерность», наполненность богатым пиршеством, буйным весельем. Образ каникул рождается как образ опустевшего места, как контрагент полноты, обилия страстей.

Современная культура не столько интенсивно продолжает процесс деформации праздника, процесс его опустошения, сколько ломает саму оппозицию, микшируя границы праздничности и повседневности, сакральности и профанности. Много лет назад Р. Кайуа был обеспокоен судьбой общества, лишённого праздника, погруженностью человека в «эфмерное счастье» каникул, их «долгую истому», по выражению М. Мосса. Сегодня обеспокоенность вызывает почти тотальная праздничность, распространяющаяся не только на зону праздников, но и

«метастазийно» [3] захватывающая противоположную ей повседневность. Более того, в современной культуре деформируется не только элемент оппозиции, но и происходит процесс деструкции, активизирующий культурную энтропию и многочисленные перверсии.

Отметим наиболее очевидные изменения праздничной культуры.

1. Традиция праздника предполагает обязательную соединенность праздника с местом и временем; праздник не подлежит отмене, переносу, откладыванию. Именно церемониальность, точность праздничных параметров гарантирует празднику сакральность, будущую «исполненность». Любые отклонения от процедуры чреватые, «недействительностью» праздничного события и невосполнимыми потерями. «Сакральный потенциал праздника, – отмечает современный исследователь, – признавался в качестве непрекаемого и любая искусственная ‘операция’ с ним была равносильна ‘измене Богам’» [4, с.32]. К сожалению, современная культура демонстрирует разнообразие такого рода измен. Например, в работе Т.А. Катковой названо несколько видов трансформаций праздничного текста культуры: калькирование, модернизация, редуцирование, генерализация и др. [5]

В сфере официальных праздников сложилось два вида практик:

-во-первых, активно используется практика пресекания традиций, некая *праздничная селекция* – отмена советских и назначение российских праздников;

-во-вторых, практика переноса, продления, растягивания праздничного календаря – *праздничные зияния*.

В первом случае (пресечение традиций) мы имеем дело с правилом «новой метлы», по которому не столько строится новый календарь, сколько дискредитируется старый. Детерминантом таких новаций является празднично-демиургические амбиции власти, претендующей на традиционные жреческие функции – формирование и контроль времени. Вольное отношение к праздничному календарю не только разрушает традицию высокого статуса календаря, но и расшатывает статус самой законности, открывая путь к легитимности вседозволенности.

Второй тип практики (продление праздничных дней) читается как некий праздничный «бонус» в рекламных целях – подарочное увеличение нерабочих дней, подыгрывание в спектакле благополучной жизни. Как ни странно, освобождение дней от обязательной работы и забот не обеспечивает празднику наполненность пиршественной, разгульной чрезмерностью (обязательной, с точки зрения Р. Кайуа). Скорее наоборот, это наполненность пустотой, утомленность затянувшейся пассивностью. Как правило, это свойство современной праздничной культуры оценивается как тревожный признак. Праздничный текст становится потенциально «дурной бесконечностью», пользуясь выражением Гегеля.

В сфере семейных отношений широко практикуется *праздники по договоренности*, перенесенные на свободные дни и подстроенные под официальный праздничный календарь. Увеличенная длительность домашнего праздничного текста переводит обычную незаполненность работой («каникулярную пустоту») в праздничное предвкушение свободного «завтра», компенсаторно реализуя давнюю функцию прогнозирующего праздника.

И для официальных, и для семейных праздников ненарушаемым остается запрет на преждевременность праздника, правда, превратившийся более в суеверие, чем в правило праздничного календаря. Суеверная боязнь нарушений церемониала особо проявляется и в сфере ритуальных событий, обеспечивая им наибольшую сохранность и традиционность.

2. Сюжет классического праздничного текста развивается от праздника к прогнозируемым будням. Традиционный праздник фундирует будущую повседневную жизнь, это *пролог*, который буквально созидает, проектирует грядущее канонической процедурой, правильностью исполнения – это некий «формульный стиль», обеспечивающий узнаваемость, традиционность, священность.

Современный праздник принадлежит новой *праздничной инверсии*, в которой праздник не начинается, а итожит определенным образом сконструированную повседневность, выполняет функцию праздничного *эпилога*. В этой функции праздник теряет свою традиционную сакральность, переходя в сферу развлекательных текстов. Тотальная развлекательность не только интеркуррентно присутствует в изначально не-праздничных элементах культуры, но и настойчиво претендует на суверенность. Гастрономические праздники, шопинг с «гиперреальным статусом» магазинов, говоря словами Ж. Бодрийяра, почти тотальная празднично-бонусная стилистика рекламных текстов и др.

3. Современный праздник оказывается втянутым в общекультурный процесс метастазийного разрастания, разбухания праздничного календаря. Праздник освобождается из-под власти сакральности, божественной декретированности. Права на назначение праздничных дат делегируются некоему анонимному «автору» с функцией ономатета – праздник получает имя, дату рождения, входит в «законный» праздничный календарь. Теряя сакральность, праздник приобретает необязательность, неразличимость – праздник каждый день и каждый день – праздник. «Нервные узелки», по выражению А.Н. Веселовского, на которых держался традиционный праздничный текст, перерождаются в текущий, бесконечный декоративный орнамент. Эта изысканная праздничность характеризует синтаксическую структуру праздничного текста, который аналогичен «поток» праздничного «сознания» и включает замысловатость текстовых «единиц», атрибутику, длинную синтаксическую цепочку. Например, новогодний праздничный текст начинается в конце октября, носит кумулятивный характер, активно распространяется на об-

ширных городских пространствах, организует интерьеры гипермаркетов, различных офисов, создает акустическую линию праздника и пр. Эта заблаговременная праздничность – тоже некий рудимент традиционного праздничного календаря, основная функция которого заключалась в конструировании будущей повседневности.

4. Праздничный текст меняет свои «видовые» и «жанровые» параметры. Традиционный праздник был опознаваем точной датой, принадлежностью к фундаментальной мифопоэтической оппозиции *праздники – будни*, к изначальному, коллективному типу зрелищ (по А. Банфи), в котором органично соединены все участники [6].

Современный праздник, утрачивая маркированность временем, микшируя границы бинарной оппозиции, с одной стороны, приобретает некую эпическую нарративность, становится «поток» праздничной жизни, «бесконечной историей» праздничности. Атрибутами этой праздничной повседневности становятся многочисленные праздничные безделушки, не символически значимые детали праздничного текста, а подробности, действующие массовидно, «роем».

С другой стороны, в этой текущей, разнородной праздничности откровенно манифестируется ее игровое начало, сцены, акты. Эпическая нарративность органично сплетается с драматургией и сценографией, превращая пространство города, служебного помещения, дома в театральную площадку, в новый тип зрелища, в котором участники и зрители постоянно обмениваются ролями.

5. Развлекательность праздника связана еще с некоторыми его особенностями. Прежде всего это *товаризация* праздничного текста, в котором «все на продажу» и все конкурентоспособно.

Во-вторых, покинув сферу сакрального, праздник вовлекается в индустрию развлечений и приобретает не только яркие инновационные формы, но и демонстративно *перверсивные*, рыночно-мотивированные: традиционные выставки, концерты проводятся в необычных местах (вестибюли и вагоны метро, пляжи, рынки и пр.); музеи, библиотеки, даже научные конференции открывают свои двери ночью; обычные события повседневности, избежавшие почти тотальной катастрофичности, сопровождаются аплодисментами, как в театре (приземление самолета, окончание научного доклада, красиво приготовленное блюдо).

Современная культура разворачивает перед читателем-зрителем некую многожанровую праздничную мистерию, паратекстуальные возможности которой практически безграничны.

В-третьих, при всем разнообразии и многожанровости, современный праздничный текст тяготеет к *стандартизации*, как бы отдавая должное классической «формульности» стиля. Стандартизация проявляет себя прежде всего в клишированности, «рыночности» вкуса (дурновкусие, амбициозность, снобизм, соперничество, топ-списки, кликбейты и пр.).

И последнее: как это ни странно, стандартизация подчеркивает в праздничном тексте культуры

его *не-праздничность* – читателю-зрителю предлагается гарантированный стандарт праздника, его ассортимент, декор, стоимость, церемония и пр., т.е. не ожидаемую праздничную неповторимость, эксклюзивность, а гарантированный шаблон. Профессионализация праздничного текста неизбежно влечет за собой клишированность, шаблонность стилистики, набор праздничных «канцеляризм» и, как следствие, выветривание «праздничного прецедента».

Однако сама очевидность этих изменений «от противного» выстраивает еще одну характеристику – очевидное наличие *мифологемы* праздника, его образа, ускользающего от празднично-развлекательной тотальности и агрессивности современности. Праздничный текст культуры фундирован глубочайшими мифопоэтическими истоками. Как отмечает один из исследователей праздничной культуры, «из многовековой истории человечества известно, что праздник – это состояние духовного мира человека [7, с. 371].

В мифопоэтической картине мира праздник принадлежит сфере мифопоэтического времени. Праздник – наиболее сакральный отрезок времени. Он входит в две основных оппозиции – *праздник – будни* и *праздник – несчастные дни*. При анализе современной праздничной культуры вторая оппозиция приобретает ключевое значение именно в силу трансформации праздника в дискурсивные практики будней. Антиномия события и календаря сменяется противопоставлением «настроений» *счастья – несчастья*. Институализированный праздничный текст ищет убежища в «невыразимом».

Описывая изменения, происходящие в современной праздничной культуре, исследователи обычно отмечают две разнонаправленные тенденции:

1) появление новых праздничных текстов и, одновременно, «утрата истинной природы праздника» [8, с. 15];

2) переход праздника в дискурсивную сферу – возникновение «праздничных интонаций» [9], составляющих основу современного дискурса.

Таким образом, можно констатировать, что в праздничном тексте современной культуры происходит смена парадигм: выветривание, убывание традиционных форм праздничной культуры; ее онтологическая, историческая, социальная деформация; «передислокация» праздника в зону повседневности; нивелирование оппозиции *праздник – будни* и актуализация оппозиции *праздничного – непраздничного*.

Эти признаки, с одной стороны, с очевидностью, свидетельствуют о кризисном, драматическом состоянии праздничного текста культуры. Однако именно размывание праздничных границ создает эффект жизненности и органичности традиционного праздничного текста. Именно повседневность реализует праздничные смыслы культуры. Приобретая черты бытового дискурса, рассеянная в повседневности, онтологичность праздника явлена наиболее очевидно. Традиционная празд-

ничная бытийность оказывается носителем и транслятором не персонифицированной, овеществленной, локализованной праздничности, а ее «духа», что буквально одухотворяет повседневность, наделяя ее не только праздничной декоративностью и нарядностью, но и сакральностью. Упомянутая Р. Кайуа «пустота» повседневности оказывается не однородно монотонной, а заполненной духовной работой, *текущей* праздничностью, переживаемой как ожидание, празднование и воспоминание. Микширование оппозиции *праздник – будни* нивелирует традиционную структуру и одновременно онтологизирует ее, выявляет ее фундирующие и транслирующие функции. В современном праздничном тексте имеет место праздничный прецедент, случайность, ускользающая и, одновременно, обретаемая праздничность, ее *личная* отмеченность и переживаемость; становится очевидной некая праздничная трансцендентность, неустранимая работа культуры, направленная на исправную трансляцию жизнеобеспечивающих и смыслонесущих ценностей, некая прустовская модель, являющая цикличность жизненного пути в поисках «утраченного» и «обретенного» времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. Москва: ОГИ, 2003.
2. Там же.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис, 1992.
4. Шелудько Г.В. Онтология сервисной реальности. Автореферат диссертации...доктора философских наук. Москва, 2008.
5. Каткова Т.Е. Тенденции трансформаций праздничных традиций. Culture and Civilization. 2018, Vol. 8.
6. Банфи А. Природа зрелища. Избранное. Москва: Прогресс, 1965.
7. Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Экзистенциальный смысл праздника и его место в современной культуре. Смыслы праздника. Москва: ГИИ, 2009.
8. Юрлова С.В. «Вечный праздник», или Мифология общества потребления. Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. N 2 (76).
9. Там же.

VERBS WITH THE MEANING OF CAUSATION OF MOVING OBJECTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE YAKUT LANGUAGE)

Kharabaeva V.

PhD in Philology

researcher, Department of the Yakut language

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch.

Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk,

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАУЗАЦИИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)

Харабаева В.И.

кандидат филологических наук,

научный сотрудник, отдел якутского языка

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г.

Якутск

ORCID: 0000-0002-4803-1805

DOI: [10.24412/3453-9875-2021-77-2-43-46](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-77-2-43-46)

Abstract

The consistency of the vocabulary of any language is most clearly reflected in the semantic groupings of words. The study of lexico-semantic groups of verbs is due to the significance and central role in the sentence of this part of speech. The article reveals the features of the semantic classification of verbs that characterize the causation of the movement of objects on the material of the Yakut language. Verbs are divided into subgroups: 1) verbs of displacement oriented relative to the starting point, 2) verbs of displacement oriented relative to the end point, 3) verbs of displacement oriented relative to the starting and ending points. The study uses a lexico-semantic approach, the classification of words is carried out by the method of frontal analysis of the lexical array selected for this purpose from lexicographic sources.

Аннотация

Системность лексики любого языка наиболее ярко отражается в семантических группировках слов. Исследование лексико-семантических групп глаголов обусловлено значимостью и центральной ролью в предложении данной части речи. Статья раскрывает особенности семантической классификации глаголов, характеризующих каузацию перемещения предметов на материале якутского языка. Глаголы разделены на подгруппы: 1) глаголов перемещения, ориентированные относительно исходного пункта, 2) глаголов